

Риго Вяземская

18+

ИЗМЕНА

Месть
будет быстрой,
милый!

Рита Вяземская

Измена. Месть будет быстрой, милый!

<https://litres.ru/74218769>

ISBN 9785007036474

Аннотация

— Чудовище. Какая же ты тварь, — цедит сквозь зубы Инна, сверля меня полным ненависти взглядом. — А ведь я тебе верила! Осознаешь вообще, что ты натворила?

— Вернула долг, — мой голос звучит ровно, без единой эмоции. Я небрежно скрещиваю руки на груди, с легкой полуулыбкой наблюдая за истерикой женщины, которую когда-то считала сестрой.

— Думаешь, Артур тебе это простит? Да он сотрет тебя в порошок!

— О моем благополучии можешь больше не беспокоиться, — усмехаюсь я.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Измена. Месть будет быстрой, милый!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-3647-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

— Чудовище. Какая же ты тварь, — цедит сквозь зубы Инна, сверля меня полным ненависти взглядом. — А ведь я тебе верила! Осознаешь вообще, что ты натворила?

— Вернула долг, — мой голос звучит ровно, без единой эмоции.

Я небрежно скрещиваю руки на груди, с легкой полуулыбкой наблюдая за истерикой женщины, которую когда-то считала сестрой.

— Думаешь, Артур тебе это простит? Да он сотрет тебя в порошок!

— О моем благополучии можешь больше не беспокоиться, — усмехаюсь я. — Лучше прикинь, хватит ли тебе жизни, чтобы отмыться от того дерьма, в которое ты сама себя окунула.

— Это всё из-за зависти! Я всегда стояла на ступеньку выше! Всегда забирала то, чего ты так отчаянно хотела. И твой обожаемый муж тоже предпочел меня! Он сделал свой выбор два десятилетия назад... Он принадлежал мне!

— Забирай. Мне объедки ни к чему, — холодно роняю я.

Глава 1

Паркуя внедорожник у дома, я сразу бросаю взгляд на крыльцо: тяжелый керамический вазон с моими любимыми гортензиями валяется на боку, расколотый пополам. Ветер сегодня разгулялся не на шутку.

Артур, конечно же, не мог этого не заметить, но даже пальцем не пошевелил, чтобы убрать землю с плитки. Впрочем, в этом весь мой муж. За двадцать пять лет законного брака, вырастив троих детей и дождавшись внуков, я давно выработала иммунитет к его бытовому эгоизму. Снисходительно покачав головой, я глушу мотор.

Я уже подхожу к разбитому вазону, чтобы хоть как-то спасти поломанные стебли, и вдруг замираю. Из приоткрытого панорамного окна гостиной отчетливо доносится голос Инны, моей самой близкой, проверенной годами подруги:

— Как только мы распишемся, я первым делом сожгу это уродливое кресло.

Мои брови ползут вверх. Какая еще роспись? Инна сроду не собиралась под венец, пропагандируя свободу от брачных уз. И при чем тут антикварное кресло из моей гостиной?

— Тише, девочка моя. Не заводишься. Я сам вышвырну его на помойку, только скажи, — вплетается в разговор низкий, воркующий баритон Артура.

— Сил моих больше нет прятаться, — со вздохом произ-

носит Инна. — Я хочу засыпать и просыпаться с тобой, не оглядываясь на двери. Хочу быть единственной.

— Потерпи еще чуточку, не устраивай драму, — мягко увещевает ее мой муж. — Мы водили всех за нос двадцать лет. Ты же сама твердила, что в этой конспирации есть свой азарт.

— Был азарт, — фыркает она. — А теперь ставки выросли. Алиса вот-вот родит. И я требую, чтобы мой внук совершенно официально называл тебя дедом.

Я зажимаю рот ладонью, чтобы не издать ни звука. Воздух застревает в легких. Это розыгрыш? Неудачная шутка? Они увидели мою машину и решили так по-идиотски развлечься?

— Инна, мы все решим. Осталось дождаться осеннего гала-вечера...

— Да помню я про твой благотворительный сбор! — раздраженно перебивает подруга. — Я прекрасно понимаю, что это идеальная прачечная для вывода наших денег, но меня тошнит от ожидания. Мы взрослые люди, а вынуждены прятаться по углам из-за Лены!

— Умоляю, сбавь тон. Она может приехать с минуты на минуту, — шипит Артур.

— А знаешь, иногда я мечтаю, чтобы она вошла и застукала нас, — с пугающей откровенностью признается Инна. — Хочу посмотреть на ее лицо. Хочу, чтобы ей стало так же больно, как было мне, когда я годами смотрела на ее хозяйские замашки. Как она по-свойски гладила тебя по пле-

чу. Как тянулась за поцелуем, на который не имела права. Ее выродки каждый день называли тебя папой, а моя девочка узнала правду только на собственной свадьбе! В чем справедливость, Артур? Только в том, что она успела затащить тебя в ЗАГС первой?!

— Это ничего не значит. Она для меня пустое место, — торопливо заверяет ее мой муж. — Успокойся, любимая. Всё будет хорошо. Наш план уже запущен. Будем действовать шаг за шагом, аккуратно. Сегодня же продолжим.

Я пячусь назад. Медленно, стараясь не наступить на сухие листья. Кроссовки бесшумно ступают по газону. Мир перед глазами кренится, сердце колотится где-то в горле, оставляя во рту привкус меди и пепла.

Невозможно описать ту смесь первобытного ужаса, обиды и ярости, что обрушилась на меня в эти секунды. В груди словно разорвалась граната с битым стеклом. Я на автопилоте забираюсь обратно в машину, впиваюсь побелевшими пальцами в оплетку руля и смотрю прямо перед собой, не моргая. Жизнь, которую я строила по кирпичику, рухнула ровно в тот момент, когда я наклонилась к сломанной гор-тензии.

Мне пятьдесят. Я подарила этому человеку троих детей. А он двадцать лет делил постель с моей лучшей подругой.

Я зажмуриваюсь до боли в висках, прогоняя подступающие слезы. Больнее всего даже не сам факт животной случки за моей спиной. Больнее их циничный расчет. Они обсуж-

дают, как обчистят наши счета и оставят меня на пепелище. Значит, ребенка Инны ему жалко. А как же наши дети?

Сглотнув острый ком, я поднимаю взгляд на зеркало заднего вида. На меня смотрит ухоженная, привлекательная женщина. Да, я не обладаю экзотической внешностью Инны, чьи азиатские корни помогают ей обманывать время, но я точно не выгляжу старухой.

Неужели это повод вычеркнуть четверть жизни ради женщины, с которой он никогда не делил быт? Мой благоверный вообще в курсе, что Инна готовит так, что можно отравиться, и способна устроить скандал из-за неправильно поставленной чашки?

Стоп. Мысли скрежещут и цепляются за главную фразу.

Алиса — дочь моего мужа?

Господи, какая мерзость.

Холод расходится по венам, вымораживая слезы. Нет. Я не позволю этим тварям уйти красиво. Они слишком поверили в свою безнаказанность. Я столько лет выслушивала их секреты, вытирала им слезы, решала их проблемы. Что ж, пришло время вытряхнуть скелеты из их шкафов.

Достаю из бардачка влажные салфетки, стираю едва размазавшуюся тушь, расправляю плечи. Они еще умоются кровью за то, что решили со мной поиграть.

Выйдя из машины, я нарочно хлопаю дверцей так, чтобы звук эхом разнесся по двору, и громко стучу каблуками по крыльцу.

Стоило мне повернуть ключ, как в коридоре материализуется Артур. Лицо источает приторную заботу, приправленную легкой снисходительностью. Оскар этому господину.

— Леночка, ну ты как тайфун. Слышно за версту, — мягко журит он.

— Зато всегда знаешь, что жена дома, — парирую я, растягивая губы в безмятежной улыбке.

— Ты сегодня рано.

— Звучит так, будто ты не рад, — скинув плащ, я внимательно смотрю ему в глаза. — Признавайся, любовницу прячешь?

— Еще какую! — звонко отзывается Инна, выплывая из гостиной. — Заскочила к вам на кофе, а хозяйки, как всегда, нет на месте.

Я вглядываюсь в ее лицо. Ищу хотя бы микроскопический след вины, хоть каплю смущения. Ничего. Только оценивающий, холодный блеск темных глаз. Будто она прикидывает, сколько еще я продержусь на этой сцене.

Какой же непроходимой идиоткой я была. Как можно было не замечать этого взгляда хищницы, оценивающей жертву?

— Так тебя тоже дома днем с огнем не сыщешь, — отбиваю я подачу, удерживая на лице маску дружелюбия.

— Это да, — она картинно поводит плечиком. — Руководить фондом — это не крестиком вышивать. Но я обожаю свою работу. С ума бы сошла в четырех стенах.

— Истинно так, — киваю я. — Слава богу, ты никогда не стремилась вить гнездо. Твоя кипучая энергия смела бы любого мужика.

На долю секунды ее лицо каменеет. Задело. Но она быстро возвращает светскую улыбку.

— Ну да. Тебе ли не знать...

«Ни черта я тебя не знала», — думаю я. Двое гениальных актеров в моем личном театре абсурда. Никогда бы не поверила, что Инна посмотрит на Артура иначе как на родственника. А они... Челюсти сводит от напряжения. Долго я так не выдержу.

— Лен, ты какая-то бледная, — вдруг с фальшивой тревогой охает подруга, делая шаг ко мне. — Сосуды? Давление скачет? Я же говорила, пора сбавлять обороты. Возраст берет свое. Пойдем, я доведу тебя до спальни, заварю мятую.

— Обойдусь, спасибо, — твердо отвечаю я, позволяя ей взять меня под руку.

Внутри всё кричит от желания вырвать свою руку, вклеить ей пощечину, стереть эту фальшивую заботу с ее лица. Но я заталкиваю эмоции на самое дно. Мне нужны доказательства. Мне нужно время.

— Лена, ну правда! — не унимается она, пока мы идем по коридору. — Погода скачет, то дождь, то пекло. Сидела бы дома, пироги пекла. А ты всё в бизнес-вумен играешь.

— Мы вообще-то с тобой одногодки, — сухо парирую я. — Меня в утиль списываешь, а сама пашешь от зари до зари.

— Мне можно, — она мило улыбается. — У меня ни мужа, ни детей-подростков, никаких обязательств. А у тебя семья огромная. Может, пора успокоиться?

Я прикусываю язык. Понятно, куда она гнет. Внушает мне комплекс неполноценности, подчеркивая, что мой поезд ушел, а она еще в самом соку.

— И вид у тебя изможденный. Может, анализы сдашь? МРТ сделаешь?

— Я прекрасно себя чувствую! — резко обрываю ее.

— Моя соседка тоже так хорохорилась, — назидательно произносит Инна. — А потом слегла и не встала.

— Твоей соседке было под девяносто!

— Так и ты давно не студентка, — хлопает она нарощенными ресницами.

— Инна, иди домой. От твоих медицинских прогнозов у меня реально начинает болеть голова. Мне нужно побыть одной.

— Ну как скажешь, — она обиженно поджимает губы. — Я поеду. Если станет хуже — звони в скорую, не геройствуй.

Едва за ней захлопывается дверь, я вхожу в нашу спальню и тяжело приваливаюсь к стене. Спустя пару минут я уже металась по ковру из угла в угол, до боли вцепившись пальцами в волосы. Зачем? Зачем было врать два десятилетия? Узнал о беременности любовницы — собери вещи и уходи! Ради чего он остался? Чтобы годами отравлять мне жизнь? Ждал удобного момента, чтобы украсть общие активы?

Спустя полчаса, когда я уже успела закинуть в рот таблетку от головной боли и лечь поверх покрывала, в спальню заглядывает Артур. Присаживается на край постели.

— Ты как? — в его голосе сквозит легкий упрек. — Инна сказала, ты устроила ей сцену.

Я медленно поворачиваю голову. Он это серьезно? Или это часть спектакля? Они решили разыгрывать карту моей «неадекватности»?

— Сцену? — переспрашиваю я. — Я ни разу в жизни не позволяла себе истерик. Тем более при гостях.

— Ну, не знаю, — вздыхает он. — Инна уехала чуть не в слезах. Сказала, ты на нее набросилась.

— Я просто попросила ее уйти, потому что ее трескотня про болезни довела меня до мигрени! — рычу я, не выдержав.

— Лена, держи себя в руках! — он предостерегающе поднимает ладонь. — Ты сама не своя в последнее время. Тебе реально нужен отдых. Возьми отпуск за свой счет. Поезжай в санаторий.

— Я не нуждаюсь в отпуске! — чеканю каждое слово.

— Я пытаюсь проявить заботу, а ты огрызаешься, как подросток в пубертате! — Артур резко встает, окидывая меня полным разочарования взглядом.

— Оставь меня в покое. У меня раскалывается голова, и я не намерена это обсуждать.

Он презрительно цокает языком и выходит, плотно при-

крыв за собой дверь.

Я откидываюсь на подушки, пытаюсь унять дрожь. Телефон на тумбочке коротко вибрирует. Сообщение от Полины, моей младшей.

«Мамуль, привет. У вас всё ок? Папа оборвал мне телефон, говорит, ты ведешь себя агрессивно и неадекватно. Он очень напуган.»

Вот же мразь.

Головоломка складывается с пугающей скоростью. Если долго и упорно внушать человеку, что он сходит с ума, а потом подтверждать это словами «очевидцев» — кто угодно поедет крышей. Артур довел меня, разозлил, а затем тут же накатал жалобу дочери-психологу. Знал, куда бить.

Беру телефон и набираю Полину.

— Мам? Привет. Вы там не поубивали друг друга? — настороженно звучит голос дочери.

— Привет, родная, — отвечаю максимально расслабленно и мягко. — Без понятия, о чем ты. Папа зашел, спросил о самочувствии, я сказала, что болит голова. Он ушел.

— Да? — в голосе Полины слышится недоумение. — А мне он выдал, что ты кидалась на него, орала и требовала убратся вон.

— Что я могу сказать? — я натурально вздыхаю. — У твоего отца последнее время нервы ни к черту. Из мухи слона делает.

— Мужчины, — фыркает дочь. — Видимо, накрутил сам

себя. Еще и мне трезвонит, я же психолог, по его мнению, значит, психиатр.

— Наверное, — покладисто соглашаюсь я.

Пазл сошелся окончательно. Газлайтинг в чистом виде. Они не просто хотят уйти с деньгами. Они хотят признать меня недееспособной. Вышвырнуть из жизни, лишить права голоса, стереть. За что? Почему нельзя просто подать на развод?

Слезы окончательно высыхают. Страх испаряется, уступая место ледяной, расчетливой злости. Этим двоим придется сильно попотеть, чтобы меня сломать. Главное сейчас — обезопасить себя и собирать факты. Благо, этой ночью муж благородно удалился спать в гостевую комнату.

Утром я спускаюсь на кухню первой. Включаю кофемашину, сладко потягиваюсь.

— Ты чего так подорвалась? — Артур стоит в дверях, хмуро разглядывая меня.

— Обычное время, — пожимаю плечами, доставая чашку.

— Но ты же вчера просила помочь тебе оформить отпуск. Я замираю с чашкой в руке.

— Я? Это ты вчера настаивал на санатории, а я отказалась.

— Лена, ты в своем уме? — он делает шаг вперед, его лицо искажается от искреннего беспокойства. — Я точно не мог такого предлагать! У нас сдача налоговой отчетности на носу, я без тебя в этих цифрах утону! Но ты вчера кричала, что выгорела и умоляла дать тебе передышку...

Я приподнимаю бровь.

— Правда? Надо же. Совершенно не отложилось в памяти.

Лицо Артура вытягивается. Он явно ждал, что я начну пениться, доказывать свою правоту, кричать. А я просто отпила кофе.

— Так... ты возьмешь отпуск? — сбито спрашивает он.

— Может быть, позже, — улыбаюсь я. — Но точно не сегодня. Отчетность сама себя не сдаст. Хорошего дня, милый.

Я подхватываю сумку и выхожу из дома. Сажусь в салон, блокирую двери и тут же звоню Полине.

— Полин, доброе утро.

— Привет, мамуль! Что-то стряслось?

— Нет, всё в норме. Слушай, профессиональный вопрос. Ты как-то рассказывала про абьюз... когда жертве внушают, что она теряет память и адекватность. Как это называется?

— Газлайтинг, — мгновенно реагирует дочь. — Жуткая штука. Манипулятор методично сводит жертву с ума, утверждая, что она говорила или делала то, чего не было. А тебе зачем?

— Да так, в сериале увидела.

— Мам. Мне двадцать два, а не три. Папа вчера звонил, сегодня ты про газлайтинг спрашиваешь. Что происходит?

— Вчера он уговаривал меня взять отпуск, — спокойно произношу я. — А сегодня утром с круглыми глазами доказывал, что это я умоляла его отпустить меня с работы.

— Чушь какая-то! — хохотнула Полина. — Тебя бульдозером от работы не оттащишь.

— Вот-вот. И как доказать, что у меня всё в порядке с головой?

— Ставь скрытые камеры по всему дому, — шутит дочь.
— Но если серьезно, вряд ли папа делает это специально. Может, у него самого стресс, вот и путается в показаниях.

— Возможно, — мягко соглашаюсь я. — Ладно, беги на работу. Целую.

Я отключаюсь, заезжаю на парковку торгового центра. Идея Полины была просто великолепной.

Но не успеваю я заглушить мотор, как телефон оживает. На экране светится имя Инны. Делаю глубокий вдох, натягиваю на лицо воображаемую маску дурочки и свайпаю зеленую кнопку.

Глава 2

— Леночка, доброе утро! — елеинный голосок Инны струится из динамика, словно патока. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — коротко отвечаю я и замолкаю.

Пауза повисает в эфире. Я жду. Очевидно, этот звонок — продолжение вчерашнего спектакля, и сейчас в ход пойдет тяжелая артиллерия.

— Слушай, мне так неловко за вчерашнее, — с придыханием выдает подруга. — Я ведь понятия не имела, что мои невинные слова вызовут у тебя такую бурную реакцию. Ты так вспылила...

— Угу, — неопределенно мычу я, выруливая на проспект.

— Мне правда очень стыдно, Лен... Ты сейчас дома? Я могла бы заскочить.

— Нет, я уже на парковке у бизнес-центра, — осаживаю ее порыв.

— Ох... Ты только не обижайся, родная, но мне кажется, в твоём состоянии работа — это последнее, о чем стоит думать.

— В каком таком «моем состоянии»? — в моем голосе звучит идеально выверенная, легкая ирония.

— Ну как же... — Инна картинно вздыхает. — Ты вчера сорвалась буквально на ровном месте! Да, я неудачно пошу-

тила про возраст, признаю. Но раньше у тебя была прекрасная самоирония. А вчерашняя агрессия...

— Возраст, Инна, — усмехаюсь я. — Нервы ни к черту. Что поделаешь.

Инна, явно ожидавшая, что я начну яростно отрицать свою вину, буксует. Моя покладистость ломает ей скрипт.

— Лен... а ты вообще помнишь, что мы обсуждали твой отпуск? — осторожно забрасывает она удочку.

— Нет.

— А мы обсуждали, — ее голос крепнет, набираясь наглости. — И тебя не пугает, что ты забываешь такие вещи?

— Абсолютно не пугает! — жизнерадостно рапортую я.

— Послушай, но это же ненормально! — Инна начинает шипеть, теряя терпение. — Тебе нужно показаться специалисту!

— Ой, брось, — отмахиваюсь я, хотя она этого и не видит. — Вылетело из головы, с кем не бывает. Дел по горло. Ладно, Инн, мне пора в офис бежать. Давай позже.

— Я... я вечером к вам загляну, — растерянно бормочет она.

Я отключаюсь, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в жесткую усмешку. Сюрреализм ситуации зашкаливает. Если бы у меня было чуть больше свободного времени, я бы с удовольствием продолжила эту игру в кошки-мышки, чтобы посмотреть, как далеко она пойдет.

К сожалению, я не успела заранее понять, какой именно

реакции они от меня ждали. Начни я паниковать — это была бы вода на их мельницу. Но мое спокойное «забыла и ладно» явно выбило почву у нее из-под ног.

В обеденный перерыв я игнорирую привычное бистро, где мы обычно встречаемся с партнерами, и иду к своей машине. Мой маршрут лежит в крупный торговый центр электроники.

Я покупаю три компактные, едва заметные IP-камеры. Техника — не мой конек, поэтому я минут двадцать мучаю консультанта, заставляя его на пальцах объяснить мне, как синхронизировать их с телефоном и настроить облачное хранилище.

Вечером, вернувшись в коттедж, я первым делом обхожу свои владения. Артура еще нет. За полчаса я монтирую камеры: одну на кухне, замаскировав среди декоративных банок на верхней полке, вторую в гостиной между книгами, а третью — в нашей спальне, среди флаконов с парфюмерией.

Когда муж открывает входную дверь, я как ни в чем не бывало достаю из духовки противень с запеченной телятиной и овощами.

— Кто вы такая и что сделали с моей вечно занятой женой? — Артур входит на кухню, излучая фальшивое благодушие. Подходит ближе и мажет губами где-то в районе моей щеки. — Что за праздник?

— Закончила пораньше, — пожимаю я плечами. — Дай, думаю, накормлю тебя ужином.

— Что? — он резко тормозит, его брови сходятся на переносице.

— В смысле? — я замираю с прихватками в руках.

— Ты сказала «отравлю»...

— Я сказала «накормлю», Артур, — медленно, с максимально снисходительной интонацией произношу я. — У тебя со слухом проблемы?

— Да? — он недоверчиво щурится, но тут же отступает. — Наверное, слышалось. День был тяжелый.

Как по расписанию, появляется Инна. Ведет себя как безупречная гостья, принеся в дом радость и свет. Если не знать правды, ни за что не догадаешься, что эта женщина метит на место хозяйки. Я накрываю на стол, наблюдая за ней сквозь опущенные ресницы.

Пока Артур гремит бокалами у винного шкафа, Инна наклоняется ко мне, обдавая шлейфом селективного парфюма.

— Ленусь, только без обид, но выглядишь ты неважно. Кожа серая какая-то...

— Тональный крем сменила, не угадала с оттенком, — парирую я, расставляя тарелки.

— Ну, допустим, — не сдается подруга. — А с волосами что? Тусклые, концы секутся. Я тебе свой шампунь привезу, он творит чудеса.

— Вези, — милостиво киваю я.

Использовать его я, разумеется, не стану. Кто знает, что эта гадюка туда плеснет. Средство для депиляции? Ка-

кую-нибудь химию, чтобы у меня началось облысение? От нее теперь можно ожидать чего угодно.

— Кстати, насчет вчерашнего, — Инна понижает голос до заговорщицкого шепота. — У меня есть знакомый врач. Отличный диагност. Он помогает при проблемах с памятью и вспышках гнева.

— С какой еще памятью? — я смотрю прямо ей в глаза, изображая абсолютную невинность.

— Ну вчера же... Мы же поссорились. Ты что, правда не помнишь? — она мастерски играет растерянность.

— А я должна была это запомнить? — искренне удивляюсь я.

Инна теряется, дергает плечом и натягивает дежурную улыбку. Шах и мат. Что она может сказать? «Ты должна помнить ссору, которую мы с твоим мужем выдумали»?

Артур возвращается с открытой бутылкой сухого красного. Переводит настороженный взгляд с меня на свою любовницу.

— У вас тут всё в порядке?

— Идеально, — улыбаюсь я. — Садитесь, всё остынет.

Муж с довольным видом опускается на стул. Отрезает кусок телятины, отправляет в рот... и тут же с громким кашлем выплевывает его в белоснежную салфетку.

— Лена, господи! Ты крысиного яда сюда насыпала или просто банку соли уронила?! Это же невозможно есть!

— Да, Ленусь, Артур прав, — тут же поддакивает Инна,

картинно морща носик. — Мясо просто голая соль. Ты явно перестаралась.

Я спокойно накалываю кусочек на вилку, отправляю в рот и тщательно жую. Специи сбалансированы идеально. Мясо тает во рту.

— Наверное, я просто влюбилась, — с безмятежной улыбкой произношу я, продолжая ужинать.

— Милая, но оно правда пересолено! — возмущается Артур. — Ты сейчас желудок себе испортишь, лишь бы доказать нам, что всё нормально!

— Ну что ты, — я грациозно поднимаюсь из-за стола, беру свой телефон. — Я не буду давиться. Я просто сейчас позвоню администратору и устрою им разнос. Раз всё так ужасно, пусть возвращают деньги.

— Кому позвонишь? — Артур хмурится, на его лице проступает непонимание. — Ты же сама готовила...

— Я разогревала, дорогой, — ласково поясняю я, подходя к раковине. Достая из нижнего ящика плотный крафтовый пакет с логотипом элитного ресторана. Ресторана, который принадлежит лучшему другу моего мужа. — Решила не заморачиваться после работы.

Я поворачиваюсь и с наслаждением наблюдаю за их лицами.

Артур подвисает. В его глазах мелькает паника, мозг лихорадочно ищет выход из ловушки.

— Э-э... знаешь, давай я сам разберусь, — выдавливает

он кривую улыбку. — Всё-таки заведение Игоря. Кому, как не мне, высказать другу претензии за такую подставу с кухней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.